

ИСТОЧНИКИ СВЕДЕНИЙ О ДРЕВНЕМ ЕГИПТЕ В РОССИИ В XI–XVIII ВЕКАХ

Первые сведения о Древнем Египте стали проникать на Русь с принятием христианства, т. е. около тысячи лет назад. В библейских книгах, несмотря на богословские установки, содержались исторические данные не только о Палестине, но и о народах, с которыми сталкивались Израиль и Иудея, в том числе и о египтянах. Весьма подробны, например, сообщаемые Библией факты о войнах между позднеегипетскими фараонами и позднеавилонскими царями за Сирию и Палестину.

Но подлинным источником самых разнообразных сведений о Египте стали в Древней Руси византийские хроники, на которые русские летописцы обратили внимание в связи с определением места России среди других стран во всемирной истории. Многие из этих хроник переводились на древний славяно-русский язык. Наибольшей популярностью пользовались древние хроники Георгия Синкелла (VIII век), Иоанна Малалы (VI век) и Георгия Амартола (IX век).

Как известно, именно у первых двух хронистов сохранилось больше всего выдержек из труда Манефона (IV–III века до н. э.) — египетского жреца, современника Птолемея I и II, создавшего на греческом языке труд об истории Египта («Египтиака») на основе древнеегипетских летописей. До сих пор за основу периодизации истории Египта принято деление Манефона на три царства и на династии фараонов. В его труде указывалась продолжительность правления отдельных царей и династий и сообщались различные исторические сведения. Из переводов хроник И. Малалы и Г. Синкелла древнерусские книжники получали, так сказать, из первых рук эллинистические представления и сведения о Древнем Египте. Например, в переводе второй книги хроники И. Малалы упоминается и сам Манфон (т. е. Манефон), и приводятся выдержки из его труда. При этом переводчик перерабатывает хронику и для лучшего понимания, видимо, отождествляет первых правителей Египта — по Манефону, богов — Гефеста (древнеегипетского Птаха) с древнерусским Сварогом, а его сына бога Солнца с Дажьбогом. Перечисляются преемники последнего — Сир, Ор и Филис (по Манефону, Сосис — Осирис, Хор и Фулис) и даются греческие названия пяти планет, которые, возможно, тоже рассматривались Манефоном как имена наидревнейших правителей-богов (Кронос — Сатурн, Зевс — Юпитер, Арес — Марс, Афродита — Венера, Гермес — Меркурий). В том же духе эллинистических представлений и мифов рассказывается также о завоеваниях великого воителя Состроса (Сезостриса — Сенусерта), о мудрости «мужа дивного и мудрого» Ермиса Тревеликого (т. е. Гермеса Трисмегиста, с которым в эпоху эллинизма отождествлялся древнеегипетский бог мудрости Тот) и о каком-то фараоне Нарaxe, царствовавшем якобы после Состроса. При этом в рассказе о завоеваниях Состроса в переводе сохранена даже ссылка И. Малалы на Геродота. Что же касается хроники Георгия Амартола, александрийского монаха, то она была полностью переведена на славяно-русский язык в середине XI века и пользовалась большим успехом. Считают, что эта хроника была самым популярным историческим произведением в древнерусской литературе.

Георгий Амартол не только передает библейские истории и подробно рассказывает об исторических событиях римско-византийского времени, но и сообщает многие другие историко-культурные и этнографические сведения. Среди них много сведений и о Египте, что, видимо, не случайно, учитывая александрийское происхождение Георгия Амартола. В хронике можно найти, например, довольно подробное изложение истории завоевания Египта Александром Македонским, распада его империи после его смерти, истории птолемеевского Египта. Но особенно привлекает Георгия Амартола древнеегипетская религия. Поэтому он неоднократно останавливается на ее основном отличии: многобожии и поклонении животным (козлам, овцам, змеям, рыбам, крокодилам и др.) и растениям, идолам с головами животных, солнцу, луне, звездам, Нилу. Отмечается и тот любопытный факт, что древнеегипетские города поклонялись различным богам («мемфисцы веровали в быка,

волкоградцы — в волка, львоградцы — в льва...» и т. д.). Георгий Амартол не оставляет без внимания и культы Аписа, Исиды и Осириса (последние в славяно-русском переводе названы «Ис и Осир», т. е. почти совсем по-египетски!), а также подробно описывает культ Сераписа в Александрии и его храм.

Из хроник можно было узнать и о некоторых природных особенностях Египта, и прежде всего о реке «Гион, зовемой Нил», и о ее разливах. Русский читатель мог даже ознакомиться по хронике с описанием крокодила...

Из культурно-исторических особенностей древних египтян Георгий Амартол упоминает их удивительную письменность («грамоту иероглоуфиискоюю» — в славяно-русской передаче) и считает египтян первыми землемерами.

Наконец, в какой-то мере Георгий Амартол указывает на влияние египетской цивилизации на античную, говоря, что Анаксагор, Пифагор, Платон и Плутарх побывали в Египте и беседовали с египетскими «премудрыми».

Одно из первых упоминаний Древнего Египта в русской литературе можно найти в замечательном памятнике древнерусского летописания начала XII века «Повести временных лет», рассказывающей об истории Руси IX–XII веков. Но, как известно, во вводной части, где определяется, «откуда пошла Русская земля», летописец связывает русскую историю с мировой и поэтому излагает прежде всего библейские легенды, начиная от «всемирного потопа» и разделения стран света между сыновьями Ноя. Среди «полуденных» (южных) земель, отошедших к Хаму, на первом месте он называет «Еюпет», а затем также упоминает «реку Геону, зовемую Нил». В дальнейшем летописцем пересказываются многие библейские истории, связанные с упоминанием Египта, в частности о пребывании евреев в Египте и их исходе оттуда. Нет сомнения, что источником этих сведений являлись библейские книги и византийские хроники, в особенности хроника Георгия Амартола, но любопытно, что в некоторых случаях наши древние летописцы искали культурно-исторические «славяно-египетские» параллели. Так, например, в Ипатьевском списке «Повести временных лет» (текст под 1114 годом) сохранено сопоставление, сделанное древнерусским переводчиком хроники И. Малалы, Гефеста и Гелиоса (т. е. древнеегипетских богов Птаха и Ра) с русскими богами Сварогом и Дажьдбогом.

Таким образом, уже в период сложения древнерусского государства на Русь проникали сведения о далекой южной стране, одной из родоначальниц человеческой цивилизации.

К сожалению, у нас нет данных о посещениях русскими людьми Египта в это время, а также в период феодальной раздробленности XII–XIII веков, если не считать сообщения в Никоновской летописи под 1001 годом, что Владимир отправил «гостей своих» как послов в некоторые страны, в том числе и в Египет, посмотреть их земли и обычаи.

Лишь с момента начала борьбы за объединение русских земель вокруг Москвы и образования русского централизованного государства в XIV–XV веках на Руси появляются новые сведения о Египте. Но они носят несколько иной характер, чем прежде, так как являются результатом не только чтения книг, но и личных впечатлений от путешествий в Египет русских людей — торговцев, паломников, государственных служащих, — путешествий, которые можно документально зафиксировать с XIV века.

И все же следует указать на то, что и в это время в русской литературе уже были книги историко-географического содержания, в которых встречались упоминания о Древнем Египте. Это прежде всего хронографы и космографии.

Первые русские хронографы, своего рода энциклопедии всемирной истории, появились уже в XI веке (это так называемые «Хронограф по великому изложению», «Еллинский летописец» и др.). Но особенное распространение они получают с начала XVI века, когда в хронографы включается русская история. Основным источником этих хронографов служили библейские книги, византийские хроники, русские и южнославянские летописи. Хронографы являлись очень важным видом литературы, далеко выходящим за рамки перечисления исторических событий. В них можно встретить пересказы античных мифов и эпоса, легенд, преданий, философско-теологические и культурно-исторические

отступления, географические и даже астрономические, зоологические и ботанические справки и многое другое.

Кое-что (к сожалению, немного) русские книжники могли прочитать в хронографах и о Древнем Египте. Характерен в этом отношении «Хронограф 1512 года». В него были включены сведения о Египте не только из Библии, но и из византийских хроник XII века Константина Манассии и Иоанна Зонары. Так, уже в самом начале хронографа можно было узнать о реке Геон — Ниле и «первом» из четырех морей — Черном, или Египетском. В разделе о «рассеянии языков» нашло место объяснение арабского названия Египта («другой внук Хамов Месрем поселился в стране Египетской, и по его имени Египет называется»). В разделе «О родословии по потопе» по хронике К. Манассии говорится о религии египтян, поклонявшихся птицам, козлам, собакам, крокодилам и «пегому волу» с отличительными признаками на языке, теле и лбу. Упоминается и легендарный египетский царь Сосистрий. Подробнее всего, разумеется, даны сведения о Египте во время Александра Македонского и Птолемея.

То же самое относится и к космографиям — описаниям стран.

В них помимо чисто географических сведений можно было найти сведения культурно-исторические, например, что «египтяне же издавна к мудрости тщательны и земледельцы и звездочетцы». В так называемой «76-главной космографии», составленной в середине XVII века, в главе «О египетском царстве» дается много интересных деталей о Египте, например, перечисляются «славнейшие» города Древнего Египта (Сиене — Асуан, Тебе — Фивы, Гелисполиос — Гелиополь, Менф — Мемфис и др.).

Однако подлинно новые сведения о Египте, как было отмечено выше, появляются на Руси в результате путешествий русских людей. Вначале их сообщения о Египте носят, конечно, очень краткий характер. Они описывают только современный им Египет, лишь пересказывая некоторые библейские легенды, связанные с историей Древнего Египта. Тем не менее постепенно начинает складываться более или менее полное представление прежде всего о природных условиях, в которых развивалась древняя цивилизация, о некоторых культурно-этнографических особенностях, о расстояниях между городами и т. п.

Так, около 1370 г. во время своего путешествия на Ближний Восток в Египте побывал паломник Агрефений из Смоленска.

В его «Хождении» среди указаний на расстояния между различными городами на пути его следования можно встретить измерения продолжительности пути в днях к Египту и внутри его между Каиром (Егуптом) и Александрией («от Иерусалима до Газы 3 дни, от Газы до Егупта 12 дни; от Егупта до Александрия 6 дни...»).

В начале шестидесятых годов XV века во время своего второго паломничества на Ближний Восток (1461–1462) Египет посетил инок Варсанофий из Киева (или из-под Киева). По пути из Константинополя через Крит и Кипр он попал в Дамият (совр. Думьят, Дамьетта) и оттуда вверх по Нилу отправился в «град Егупет», т. е. в Каир. В Каире Варсанофий пробыл 6 недель. За это время он, без сомнения, хорошо осмотрел Каир и его окрестности. Но его заметки носят крайне лаконичный характер. Небезынтересно его краткое, видимо, первое в русской литературе описание Каира и Нила: «Град же Егупет стоит великий на ровне месте, под горою. Под него же течет река из раю — златоструйный Нил, и другое имя реце Геон. И попереk града есть 2 мили, а в длину 12 миль». Нил, по всей видимости, особенно поразил Варсанофия, и он еще раз возвращается к нему, называя его снова «златоструйным»: «Великая же река златоструйны Нил течет от полуденныя страны на полунощь в Белое (т. е. Средиземное — Н. П.) море под Дамияты». Варсанофий мельком сообщает, что он видел «лютото зверя», т. е., видимо, крокодила, и поражается финиковыми пальмами, на которых, по его словам, «растет мед дивий». Наконец, у Варсанофия встречается первое на Руси упоминание о пирамидах и распространенное тогда определение их назначения как житниц Иосифа. Для Варсанофия Старый Каир — это «старый Мисюрь». Он точно определяет местоположение пирамид против этой части города («житницы Иосифа Прекраснаго за рекою за Нилом противу старово Мисюря»).

В 1522 году Египет посетил казначей великого князя Михаил Гиреев. Он пробыл в «Египте граде велицем» довольно долго — 40 дней. Но М. Гиреев не оставил записей своих наблюдений. Сохранился лишь очень небольшой пересказ, сделанный кем-то другим, его повествования о современном ему Каире.

Следующее путешествие в Египет, о котором остались краткие записи, связано с именем купца Василия Познякова. Он был родом из Смоленска, но занимался торговыми делами в Москве. В 1558 году по повелению Ивана Грозного Василий Позняков с сыном был включен в состав посольства на Ближний Восток с указанием «обычай во странах тех писати». В октябре 1558 года посольство покинуло Москву. После долгого и трудного пути и различных злоключений посольство достигло Константинополя, а потом отправилось в Александрию. Лишь через год, в октябре 1559 года, посольство оказалось в Каире, где пробыло всего четыре дня. Естественно, за это короткое время Василий Позняков многого не увидел. На обратном пути он остановился на неделю в Александрии и оттуда вместе с посольством отбыл на Синай. В декабре 1559 года посольство снова вернулось в Александрию, откуда и отправилось на родину. Таким образом, в Египте Василий Позняков находился очень недолго, но все же в своих «Хождениях» он описал Каир, который в это время находился в состоянии упадка. «А старой Египет (Старый Каир — Н. Л.) ныне пуст, — пишет он, — немного в нем живут старых египтян и цыганов; а турки и христиане не живут. А город был каменной да развалился, токмо одне врата стоят целы...» Интересно и его описание пустыни, окружающей Египет, в сравнении с «пустынями» на Руси: «Не наши же там пустыни: в их пустынях нету ни лесу, ни травы, ни людей, ни воды. И идохом пустынею три дня и не видехом ничтоже, точию песок един да каменеие».

Но не из «Хождения купца Василия Познякова» черпал любознательный читатель Московской Руси сведения о Ближнем Востоке и Египте, а из описания странствований Трифона Коробейникова. На популярность его «Хождения» указывают более 200 дошедших до нас рукописных списков и более 40 печатных изданий.

Действительно, дворцовый дьяк Трифон Коробейников входил в состав двух посольств в Константинополь и на Восток при Иване Грозном и Федоре Ивановиче в 1582 и 1593 годах. Однако именно в Египте Трифон Коробейников никогда не был. В его «Хождение» сведения о Египте были перенесены переписчиками из «Хождения» Василия Познякова. Поэтому в нем можно встретить и уже цитированные строки о Старом Каире («А город был каменной...» и т. д.) и о пустыне («не наши пустыни...» и т. д.).

Но при составлении «Хождения Трифона Коробейникова» переписчики пользовались и другими источниками. Например, в «Хождении» можно найти подробное описание страуса, отсутствующее у Василия Познякова: «...птица струфокамил или струц: высоту человеку в плеча; а глава у нее аки утетья, а у ног копыта на двое, а ноги долги, аки у журавля, а крыле у нее что кожаные; а ходит по земле, а летает мало, хто ея роздразнит, и она бьет ногою копытом, каменем».

Первым, кто посетил Египет после смутного времени, был купец Василий Яковлев Гагара, уроженец Плеса. До своего путешествия на Ближний Восток он жил в Казани, откуда вел торговлю с Востоком. В хождение он отправился в лето 7142 года, т. е. в 1634 году. В отличие от его предшественников его путь в Египет лежал через Тбилиси, Ереван, Ардаган, Каре, Алеппо, Дамаск, Иерусалим. Лишь в конце декабря 1635 года В. Гагара оказался в Египте. Там он пробыл три месяца и две недели. Обрато Гагара возвращался через Болгарию и Молдавию и, видимо, в мае 1637 г. прибыл в Москву, где был незамедлительно пожалован царем Михаилом Федоровичем званием «московского гостя».

«Хождение» В. Гагары отличается от указанных выше двумя особенностями: описание Египта в нем более полное, чем Святой земли и других мест Ближнего Востока, и в нем мало пересказов библейских сказаний.

Более подробно, чем инок Варсанофий, В. Гагара описывает пирамиды, около которых он, без сомнения, побывал. «Да во Египте же, — пишет он, — за рекою Нилею, а по-гречески Геон, зделаны полаты велми велики и страшны, аки горы сильные; а от реки Нили

б поприщ. А стоят на горе; а сделаны четверугольны, а верхи у них как башни...»

В другом списке «Хождения» имеется интересное добавление, что «верхи у них шатровые».

Нет сомнения, что В. Гагара разделял существовавшее тогда мнение, что, во-первых, пирамиды построены евреями во время их пребывания в Египте и, во-вторых, что по своему назначению они являлись житницами. По поводу последнего он пишет: «А вход у тех полат сделаны по стене, как мощно человеку итти со пшеницею, одному бы вверх итти, а другому-де насупротив». Гагара пишет и о причине постройки пирамид фараоном: «А того ради ставил он на горе полаты, понеже писанно, что Египту от воды потоппленну бысть».

Видимо, Василию Гагаре удалось побывать дальше других русских путешественников — около Фаюмского озера. Там он увидел устрашившее его зрелище — обнаженные ветром от песка мумии какого-то древнего кладбища. «Да близ того же езера, — описывает он, — выходят из земли кости человекьи... головы, и руки, и ноги, и ребра шевелятца, уподобися живым, а головы с волосами, а бывают наруже поверх земли».

Если почти за двести лет до Василия Гагары инок Варсанофий первый из русских людей упомянул пирамиды, то Василий Гагара оставил первое описание знаменитого Гелиопольского обелиска в Эль-Матарие, воздвигнутого в XX веке до н. э. в древнем Оне (Гелиополе): «А под Египет же приезжаючи, за 5 поприщ стоит камень четверуголен, верх востр, вышина 12 сажен, а кругом 4 сажени, а называют турки Фараоновым копием, и подписано на его Фараоново имя». В этом описании любопытны и приведенные размеры обелиска, и замечание о содержании иероглифической надписи на нем.

Не могли не поразить В. Гагару некоторые природные особенности долины Нила и его животного мира. «А та река Геон с Волгу», — образно сравнивает он Нил с великой русской рекой, откуда пришел сам. Не менее образно пишет он и о непроходимых пустынях, окружающих Египет: «И ко Египту идучи, путь истомен: возле пещаное море, и тем путем человеку пешему итти нелзе солнечного ради жжения и жажды водные...»

Подробно и не без юмора В. Гагара описывает крокодила — «лютого зверя», о котором инок Варсанофий лишь упоминает: «Да в той же в Геон реке есть зверь, имянуем коркодил, а живет в той реке в воде; а голова у него что у сома, а ноги аки у человека, и естество такоже, а хвост у того зверя аки у сома плеск, а по видению тот зверь аки змия ехидна... аще же постижет человека, то снедает до смерти. А рот у того зверя аки у лягуши, а кожа на нем аки рыба чешуя, а величиною коркодил сажени з две».

Лет через пятнадцать после Василия Гагары при царе Алексее Михайловиче на Ближний Восток в длительное путешествие отправился видный церковный и государственный деятель того времени Арсений Суханов. Он относился к служилому классу Московского государства, был сыном мелкопоместного провинциального дворянина Тульской губернии. Из-за бедности ему пришлось уйти в монастырь. Несколько лет Арсений Суханов провел в Голутвином монастыре в Коломне. Здесь он получил хорошее образование и принял монашество. Затем он переехал в Москву, где благодаря своей образованности и личным качествам занимал различные высокие должности в церковной и государственной иерархии.

Итак, в феврале 1651 года Суханов отправился в путешествие, имея задачу собрать сведения о положении греческой церкви на Востоке. Но будучи человеком любознательным, он далеко вышел за рамки этой задачи, о чем свидетельствует его «Проскинитарий» («Поклонник»), содержащий интересные заметки о городах, в которых он побывал, и их достопримечательностях, о нравах жителей и природных условиях.

Много места в «Проскинитарии Арсения Суханова» уделено Египту. В середине августа 1651 года Суханов прибыл в Александрию, которая поразила его воображение как остатками прежнего великолепия, так и современной ему разрухой. «Александрия, — отмечает Арсений Суханов, — град пречудный зданием; нет такого ни единого града, якоже он был украшен; а ныне пуст, не многие люди живут по воротам вокруг града, а середка града вся порожня; палаты все обвалились».

Из древних памятников Александрии А. Суханов подробно останавливается на знаменитых александрийских обелисках — так называемых «иглах Клеопатры». «Да внутрь града Александрии без числа много стоит столбов каменных высоких и средних, — продолжает он свое повествование, — и мелких мраморных, из единого камня выточенных, круглых, а не составленных. Из Белого (Средиземного — Н. П.) моря затон велик зашел до самой стены города; тут врата к морю великия; у тех ворот внутри града — сажень с пятью овраг, и стоит столб дивный из единого камня изсечен; четверогранен, в высоту будет сажень с двенадцать, а на нем письма вырезаны кругом от низа и до верха, неведомо какия: сабли, луки, рыбы, головы человечьи, руки, ноги, топорки, а инаго и знать нельзя, видимая и невидимая; а сказывают, будто некоторая мудрость учинена. А другой столб недалече от того, таков же слово в слово, качеством и количеством, токмо повалился, лежит на боку. А сказывают, те два столба поставлены над гробом храбраго воина царя Александра Македонского, один-де у головы, а другой у ног»¹.

Следует отдать должное наблюдательности и точности А. Суханова даже в отношении мелких деталей, например внешнего вида иероглифов.

Не могла не поразить А. Суханова и «колонна Помпея»², которая и сейчас украшает Александрию. В «Проскинитарии» можно найти и ее подробное описание: «Да за градом на поле, от града Александрии сажень с 300 или больше, был двор некий великий; здание большое, палаты стоят дивны, иныя целы, а иныя повалились. Тут же близко стоит столб дивнее всех столбов и есть в высоту сажень 15; кругом якобы токарною работою выточен, един камень, порфиоровиден цветом, стоит как стопочка есть, ни покривился никуда».

Уместно заметить, что если инок Варсанофий первый из русских людей упомянул в своем «Хождении» пирамиды, а Василий Гагара — Гелиопольский обелиск, то Арсению Суханову принадлежит подобная же заслуга в отношении «игл Клеопатры» и «колонны Помпея».

На него, конечно, произвели большое впечатление и пирамиды — «два фараоновы столпы, яко горы деланные», которые он увидел издали, подплывая к Каиру. Затем при более подробном ознакомлении с Каиром и его окрестностями он указывает на их назначение как на царские гробницы и пытается описать их внешний вид: «Во Египте же за рекою Нилом, идеже столпы древние фараоновы могилы учинены великаго дива, яко горы учинены; снизу широки, а сверху заострены».

Много внимания уделяет А. Суханов современному ему Каиру, о котором пишет, что «Египет место велико и многолюдно, подобен Царьграду». Его даже интересует сопоставление разных названий Каира, которые он толкует так: «Мисирь арапским языком, Египет — по грецку, Каир — по латыне».

Читателя середины XVII века могло привлечь в «Поклоннике» А. Суханова и многое другое, например яркие словесные зарисовки струфокамила — страуса и крокодила, разлива Нила, который он наблюдал в Решите (Розетте), и, наконец, традиционное сравнение одного из рукавов Нила с русской рекой, на этот раз с Окой: «По обе стороны реки берега ровные, а вода полая, с берегами ровна, шириною яко Ока под Серпуховым или под Коломною, а инде и уже».

В 1653 году А. Суханов снова был послан на Восток, на этот раз для приобретения книг. Из своей поездки он привез в Москву 498 рукописных и печатных книг. Среди них были не только книги религиозного содержания, но и словари, книги по философии, медицине, а также сочинения Страбона, Геродота и Плутарха, из которых, как известно, можно было почерпнуть много ценных сведений о Египте.

¹ «Иглы Клеопатры» были воздвигнуты в Гелиополе во времена Тутмоса III, но при Августе в 19 г. до н. э. были переправлены в Александрию. В прошлом веке обелиски увезли из Египта. Один из них — упавший набок — в 1892 году был перевезен в Лондон и установлен на берегу Темзы у моста Ватерлоо. Другой с 1881 года находится в Центральном парке в Нью-Йорке.

² Так называемая «колонна Помпея» (высота 26,85 м) на самом деле не имеет отношения к Помпею. Она была поставлена в 302 году в честь императора Диоклетиана.

Одна любопытная деталь: под конец жизни Арсений Суханов был управляющим Печатным двором в Москве — центром русского книгопечатания.

Закljučая наш обзор путешествий русских людей допетровской Руси в Египет, следует назвать еще одно, правда, вынужденное, но в результате которого появилось на свет так называемое «Описание Турецкой империи». Его, как полагают, составил Ф. Ф. Дорохин из Ельца, который попал в плен к крымским татарам, затем был продан туркам и пробыл в Османской империи около 12 лет — с 1662 по 1674 год. Несмотря на свое подневольное положение, во время своих скитаний по городам и областям Турции и подвластным ей территориям он делал «в тайном и сокровенном сокрытии» записи своих наблюдений. Будучи военным, Дорохин главным образом интересовался вопросами военно-географического порядка. Поэтому он тщательно описывал рельеф местности, городские укрепления, состав и количество населения, его занятия, боеспособность гарнизонов и т. п. В Египте Ф. Ф. Дорохин побывал в Каире, Булаке, Думьяте, Рашиде (Розетте), Абукире, Александрии. В «Описании» не упоминаются древние памятники Египта, но дается хорошее представление о географическом положении египетских городов, расстоянии их друг от друга в днях пути, о разделении Нила на два рукава ниже Каира, о тогдашнем состоянии «града Египта» и «града Александрии».

Продолжателем дела русских путешественников XIV–XVII веков по Ближнему Востоку и Египту и в то же время представителем уже новой, бурной эпохи Петра I явился Василий Григорович-Барский. Он родился в 1701 году в Киеве в семье мелкого торговца, но к занятиям отца склонности не имел, так как с ранних лет был «любопытен» ко всяким наукам. Однако Киевскую Академию В. Григорович-Барский по болезни окончить не смог и в 1723 году, оставив отчий дом, отправился в далекое странствие. Таким образом, в отличие от своих предшественников на Руси В. Григорович-Барский не был ни купцом, ни церковным, ни государственным деятелем, а только «имел охоту видеть чужие страны». Он был истинным пилигримом: странствовал без денег, живя подаянием и останавливаясь на ночлег в богадельнях. Сперва его путь лежал на запад, через Львов, Будапешт, Вену, Венецию в Рим и Неаполь. В марте 1725 года в Венеции ему удалось устроиться на корабль, который плыл в Грецию, а оттуда он попал на Ближний Восток, где скитался около 25 лет, тщательно записывая свои наблюдения и впечатления. Лишь в 1747 году В. Григорович-Барский вернулся в Киев, где вскоре скончался. В течение 40 лет его «Странствования» ходили в списках, а в 1778 г. по распоряжению князя Г. А. Потемкина-Таврического была напечатана первая часть его труда. В конце XVIII — начале XIX века «Странствования Василия Григоровича-Барского» пользовались большим успехом. К 1819 году они выдержали шесть изданий.

Ценным дополнением к тексту «Странствований» явились 137 сохранившихся рисунков, которые выполнил сам В. Григорович-Барский, проявив недюжинный талант художника. Среди них можно найти любопытные панорамы Рахита (Рашида, Розетты), Каира, Александрии и изображения «иглы Клеопатры» и «колонны Помпея».

В Египет В. Григорович-Барский попал морским путем в июле 1727 года. После кратковременного пребывания в Абукире и Рашиде он отправился в Каир, где прожил более восьми месяцев. Среди его записей можно обнаружить много интересных сведений о достопримечательностях Каира, его улицах и базарах, о Ниле. Разумеется, он с восторгом пишет о «рукотворных горах» — пирамидах, отмечает три высочайших. Прикидывая размеры одной из них в стопах (футах), он определяет ее высоту в 500 стоп (т. е. примерно в 150 метров); должно быть, речь здесь идет о пирамиде Хуфу. На назначение пирамид В. Григорович-Барский придерживается старого взгляда как на прибежище для фараона во время наводнения Нила.

В 1730 году В. Григорович-Барский снова попадает в Египет, но на этот раз задерживается дольше в Александрии «ради видения достойных в ней вещей ветхих». Этому посвящена особая глава «О граде Александрии». В ней содержится самое подробное, пожалуй, описание в русской литературе того времени древнего города и его памятников.

При этом, как мы говорили, оно было дополнено удачными рисунками. Со слов других он приводит размеры «столпа Помпея» (высота 122 стопы, толщина 12 стоп), а примерную высоту и толщину «игл Клеопатры» он прикинул сам (соответственно 10 сажень и 11 пядей). Особенно его поразили иероглифические знаки, вырезанные на поверхности обелисков. Сравнивая их с письменами других народов, он указывает, что они не похожи ни на еврейские, ни на греческие, ни на латинские буквы, но находит внешнее сходство между одним иероглифом и русской буквой «живете». Его воспроизведение некоторых знаков на одной из сторон обелиска очень точно (даже более точно, чем через сто лет в «Описании Египта»), и надпись можно читать. Впрочем, по сравнению с современной фотографией этой надписи нижняя часть ее не была дана В. Григоровичем-Барским, так как обелиск в его время был снизу засыпан песком.

В. Григорович-Барский заключает собой славный ряд русских людей XIV–XVIII веков, которые оставили о Египте записи своих наблюдений, довольно широко знакомившие любознательного читателя с Египтом.

Наш рассказ о проникновении в Россию сведений о древней стране пирамид был бы не полон, если бы мы не упомянули об интересе русских людей к различным «Путешествиям» иностранцев. К таким следует отнести прежде всего «Похождение» польско-литовского князя Николая-Кшиштофа Радзивилла, крупного вельможи при дворе королей Сигизмунда II Августа и Стефана Батория. Свое путешествие он совершил в 1582–1584 годах, т. е. почти одновременно с Трифоном Коробейниковым, но в отличие от последнего ему удалось побывать в Египте. Его «Похождение» было написано в форме писем приятелю. В первой четверти XVII века оно было переведено на русский язык и ходило на Руси во множестве списков. Такой успех «Похождения» был понятен, учитывая изобилие интереснейших подробностей историко-этнографического и географического порядка, а также живость изложения. Из обильного материала о Египте, который имеется у Н.-К. Радзивилла, особенно выделяются его некоторые наблюдения. Так, он совершил поездку на западный берег Нила напротив Каира. Ссылаясь на античных авторов, он замечает, что здесь некогда стоял Мемфис, но, кроме небольшой части с юга и пирамид, от него ничего не осталось. Он утверждает, что в это время сохранилось 17 «пирамидес», из которых три большие. Н.-К. Радзивилл побывал даже внутри и на вершине Великой пирамиды. Внутри он осмотрел две камеры, в одной из которых заключен саркофаг. Его чрезвычайно поразили огромные каменные блоки, из которых сложена Великая пирамида: по его измерениям, три локтя в ширину и длину и более полутора локтей в высоту каждый. До вершины пирамиды он добрался за полтора часа и обнаружил там квадратную площадку со стороной в десять локтей, т. е. примерно 6 метров. Сейчас, через 400 лет, сторона этой площадки уже 10 метров!

Н.-К. Радзивилл коротко рассказывает и о двух других больших пирамидах и Сфинксе. Со слов других он передает, что там, где некогда находилась южная часть Мемфиса, в его время можно было еще увидеть две огромные поваленные статуи, каждая в 20 локтей высоты. Можно не сомневаться, что речь идет о двух статуях Рамсеса II: одна из них находится там до сих пор, а другая с 1955 г. украшает привокзальную площадь в Каире.

Посетил Н.-К. Радзивилл также несколько гробниц около пирамид и даже в одной из них спустился по веревке в шахту. Его рассказ об увиденных мумиях крайне интересен, а кроме того, он, видимо, один из первых описал (причем довольно точно) так называемые «кушебти», которых было много в гробницах. «Болваны те, — находим мы в переводе на русский язык этого места, — суть из глины лазоревой, или темновишневой, долги на палец, некоторые же и менши, и так суть сделаны, яко дети малые повитые, Египетскими словы подписаны». В Александрии сильное впечатление на Н.-К. Радзивилла произвели, конечно, и «колонна Помпея», и обелиск, и величественные развалины нескольких древних «зело украшенных» чертогов. Хотелось бы также отметить, что читатель «Похождения» получал яркое представление о природе Египта, некоторых характерных растениях и животных.

Другой перевод на русский язык «Похождения» Н.-К. Радзивилла был напечатан в Петербурге в 1787 году. В эти же годы в нескольких изданиях увидели свет «Хождения» Трифона Коробейникова и «Странствования Василья Григоровича-Барского». И это не случайность, а показатель характерного явления для России середины XVIII века: резко возрастает число образованных и читающих людей и интерес к отечественной и западноевропейской научной и научно-популярной литературе, в том числе к историко-географической. В прежнем русле «Хождений» в 1794 году было издано, например, «Путешествие Мартына Баумгартена, немецкой империи дворянина и кавалера, в Египет, Аравию, Палестину и Сирию», которое тот совершил в 1507 году, т. е. почти триста лет назад. Без сомнения, переводчика привлекали яркие описания путевых приключений автора и его впечатления от увиденного.

И все же «Хождения», «Проскинитарии», «Странствования» и т. п. русских и зарубежных путешественников, в которых древнему Египту основного внимания не уделялось, уже не могли удовлетворить возросшие запросы русского образованного читателя второй половины XVIII века. Многие из них пользовались, конечно, в подлиннике сочинениями античных писателей и трудами западноевропейских путешественников и ученых. Но для более широкого круга читателей возникли известные трудности, вызванные двумя причинами: во-первых, незнанием языков и, во-вторых, невозможностью приобрести редкие и дорогие книги. Чтобы восполнить этот пробел, Петербургская Академия наук предприняла грандиозное мероприятие. В 1749–1762 годах в прекрасном переводе известного поэта и переводчика В. К. Тредиаковского был выпущен в свет в десяти томах труд французского историка и педагога Шарля Роллена «Древняя история об египтянах, о карфагенянах, об ассирианах, о вавилонянах, о мидянах, персах, о македонянах и о греках...» Хотя этот труд можно определить всего лишь как компиляцию, русский читатель впервые, пожалуй, получал более или менее полное представление об истории стран древнего Востока на уровне знаний того времени.

Древнему Египту была посвящена вся первая книга «Древняя история об египтянах», в которой повествование было доведено до завоевания Египта персами. На основании сообщений Геродота, Диодора Сицилийского, Страбона, Плиния и других античных авторов в ней давалась развернутая и живая картина природных условий, в которых обитали древние жители долины Нила, их нравов и обычаев и, разумеется, часто фантастическая, «история об египетских царях».

А следом за этим гигантским трудом Академией наук были изданы (основные тогда) первоисточники для воссоздания истории древнего мира. В 1763–1764 гг. в переводе будущего президента Академии наук Андрея Нартова вышла в свет «История» Геродота (под названием «Повествование Иродота Аликарнасского»), а в 1774–1775 гг. в шести томах — «Историческая библиотека» Диодора Сицилийского в переводе Ивана Алексеява.

Ценным дополнением, оживляющим античные представления о Древнем Египте, явилась книга французского просветителя и ориенталиста Константина Франсуа Вольне, появившаяся во Франции в 1787 г. после четырехлетнего пребывания автора в Сирии и Египте. Уже в 1791–1793 гг. она вышла в русском переводе в Москве под названием «Путешествие Волнея в Сирию и Египет, бывшее в 1783, 1784 и 1785 годах». Основное внимание в ней было, конечно, уделено политическим и социальным институтам этих стран, находившихся под гнетом Османской империи, но многие страницы были посвящены великому прошлому народов Египта и Сирии. К. Ф. Вольне с его острым критическим умом и философскими убеждениями эпохи Просвещения указывает и на некоторые негативные стороны этого прошлого. В главе «О развалинах и пирамидах» русский читатель обнаруживает и такое утверждение: «Лабиринты, храмы и сии пирамиды с огромным своим зданием показывают более рабство народа, мучимого до крайности своенравием своих господ, нежели дух просвещенных и любящих художества граждан».

Кроме того, в 80–90-х годах XVIII века в русских периодических изданиях публикуется большое число статей, связанных с различными аспектами культуры Древнего

Египта, а также появляются монументальные справочные издания, например «Исторический словарь», «Новый исторический словарь», в которых можно было получить краткую справку и о древнеегипетской истории, культуре и религии на уровне современной науки. Даже пятитомный «Словарь географический, или описание Царств, Областей, Городов, Епархий, Герцогств, Маркграфств...» (1791 г.) включает в статьи о Египте и его городах историко-культурные подробности. Можно упомянуть и первый опыт русского энциклопедического словаря «Пространное поле, обработанное и плодоносное, или Всеобщий исторический оригинальный словарь...». Его составление начал упомянутый выше переводчик Диодора Сицилийского Иван Алексеев. Он предполагал издать его в 12 томах, но в 1793–1794 годах вышли только первый том и первая часть второго тома (буквы А и Б). В целом современники по разным причинам признали этот опыт не очень удачным, но, без сомнения, темы некоторых статей, связанных с Древним Египтом, отражали запросы читателей того времени, например «Александрия», «Бальсамирование» (т. е. бальзамирование), «Бумага писчая» (где «египетской бумаге из папира» посвящен отдельный параграф). К таким справочным изданиям вполне можно отнести капитальное сочинение анонимного автора, полностью посвященное Египту: «Статистическое, географическое и топографическое описание Египта, собранное из новейших и наилучших известий разных путешествий» (1795). В предисловии отмечено, что для воссоздания полной картины в сочинении использованы труды огромного числа авторов. Среди них можно встретить имена Дж. Гривса, Ф. Нордена, Р. Покока, К. Нибура, Дж. Брюса, К. Ф. Вольне и многих других, и даже арабских историков.

Несмотря на название книги, в ней много внимания уделяется и «историческому описанию» Египта, и прежде всего древнего. Одна из глав так и называется «О древностях и зданиях». Особо следует отметить последнюю главу — «Разделение Египта и описание мест», которая в то время свободно могла служить путеводителем и с этой точки зрения небезынтересна даже сейчас.

Эта книга как бы естественно завершает круг источников (как мы видим, довольно обширный и разнообразный), из которых во второй половине XVIII века русские читатели могли пополнить свои знания о Древнем Египте. Этот поток информации обусловил в конце 80-х годов XVIII века появление первых сочинений русских авторов на египтологические сюжеты. Следует, правда, сразу же оговориться, что они в это время носят чисто умозрительный характер. Так, в 1783 году появилась книга директора Петербургской учительской семинарии Ивана Коха «Опыт истолкования гиероглифов и надписей», в которой автор высказывает предположение о звуковом характере египетских иероглифов, а годом позже его же «Опыт изъяснения сфингов», т. е. попытка истолкования надписей на сфинксах. В это же время некто Василий Полетика издал свое эссе «Опыт разсуждения о первоначальных делах мира, о Древнем Египте, об Ассирианах, о Мидянах и о Персах» (1788). Пожалуй, самым примечательным являлось его исходное положение о великом значении древнеегипетской культуры. «Сия то прекрасная страна, — пишет он, — как говорят писатели, первым гнездом была просвещенного рода человеческого». Оценивая в целом количество и уровень источников сведений о Древнем Египте в «предъегиптологический» период в России, т. е. к началу XIX века, можно с полным правом присоединиться к восторженным словам упомянутого выше Ивана Алексеева: «Дожили и мы, благосклонный читатель, до того вожделенного времени, когда каждый уже на своем природном языке может иметь изрядную библиотеку, состоящую из книг хороших, сколько сочиненных, столько переведенных».

Таким образом, в течение многих столетий русские люди питали самый горячий интерес к Древнему Египту, накапливая постепенно из разных источников сведения о великой культуре и истории древнейшей цивилизации долины Нила. Это и явилось той духовной основой, на которой в России в начале XIX века могли появиться повальное увлечение «египетским стилем» в искусстве и египетскими древностями, правильная оценка значения находки Розеттского камня, самый живой отклик на великое открытие Ж. Ф. Шампольона и признание его заслуг и, наконец, русская и советская египтология.